

Л. Н. Данилова

Послевоенная советизация Белоруссии и Украины на примере школьного образования

Неоднозначность понимания советизации в отечественной и зарубежной историографии. Понятие «советизация» возникло в русском языке в первые годы советской власти и изначально воспринималось как процесс установления этой власти от Дальнего Востока до Белоруссии. Слово долго не закреплялось в толковых словарях, однако в 1920-х годах употреблялось в официальной и публицистической речи¹. Параллельно в английском языке появился глагол «советизировать» (*to sovietize*) в значениях «брать под советский контроль» и «приводить в соответствие с советской культурной традицией и государственной политикой»². Его производной стало существительное «советизация» (*sovietization*), которое сегодня приобрело на Западе негативную смысловую окраску и характеризуется как процесс, включавший «политическое, экономическое и социальное подчинение нерусских периферий России»³. В самой России советизация понимается более нейтрально — как внедрение чего-либо советского (образа жизни, идеологии, системы управления и т. п.)⁴ или установление советской власти.

С 1990-х годов на Западе число работ по данному вопросу возросло. Пристальное внимание зарубежные авторы уделили вопросу советизации государств варшавского блока, однако существует и целый ряд исследований по ее различным аспектам в союзных республиках.

Данилова Лариса Николаевна
д-р пед. наук,
доц., Ярославский
государственный
педагогический
университет
им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)

Еще в 1947 г. экономическая сторона проблемы в Прибалтике нашла отражение в вышедшей в США работе эстонского иммигранта Э. Кареда⁵. Критическое осмысление советизации кавказских республик содержится в статьях 1940–1950-х годов П. Косока, эмигранта в Турции⁶. В 2003 г. вышел сборник статей «Советизация в Балтийских странах, 1940–1956», где международный коллектив авторов изучал этот феномен в основном через анализ репрессий и политических чисток послевоенных лет⁷. В 2007 г. немецкий историк Д. Фист выпустил книгу, где на примере Эстонии раскритиковал принудительную коллективизацию в СССР, являвшуюся мерой советизации в Прибалтике⁸. Притеснения народа Советской Украины в ходе советизации в 1940-е годы отражены и в монографии канадского историка Д. Марпла, первым на Западе изучавшего этот вопрос после падения железного занавеса⁹. Число подобных работ довольно велико: различные вопросы советизации в отдельных регионах и республиках СССР начали вызывать активный интерес на Западе в послевоенные годы, и он не ослабевает и сегодня.

В современных западных исследованиях советизация понимается в более узком значении, чем процесс установления советской власти; порой она даже подменяется понятиями тоталитаризации, русизации и сталинизма, а потому представляется трагическим фрагментом истории отдельных государств. Так, например, характеризуется термин «советизация» в одной из работ по истории Литвы: «[Советизация] предполагала навязывание тоталитарной системы в политике, экономике и социальной жизни, широкое обязательное использование русского языка вместо литовского, подрыв литовской культуры и национальной идентичности, их замену высшей “интернациональной” культурой, русской, и, наконец, введение русских и прочих нелитовцев в партию, правительство и на экономические посты»¹⁰. Слова «навязывание», «подрыв», «тоталитарная система» придают определению негативный характер, а часть про замену национальной культуры и идентичности «высшей», русской, и вовсе не соответствует исторической действительности: русский язык использовался в качестве межнационального, и власти никогда не преследовали задач по истреблению национальной культуры в республиках (равные права всех народов государства на культуру и образование отмечались в постановлениях партии и правительства с 1917 г.).

Таким образом, можно заключить, что на Западе советизацию больше представляют как вопрос национальностей, но это была проблема режима, строя, управления единым государством, где «русское» было вторично по отношению к «советскому».

Большинство западных авторов рассматривают советизацию через понятия «оккупация», «аннексия», «репрессии», «террор», указывая на неправомерное вмешательство Советского Союза во внутреннюю жизнь других государств. Однако следует признать, что подобное «вмешательство» находило и своих сторонников в этих странах, что способствовало процессам советизации. На примере Прибалтики К. К. Худoley выявил группы населения, приветствовавшие установление российских порядков и присоединение к СССР: промышленный пролетариат, русское меньшинство, а также интеллигенция, противопоставлявшая Советский Союз фашистской Германии или разделявшая

его ценности¹¹. Эти группы были немногочисленны, но они везде создавали «определенный фон, благоприятствующий советизации»¹². Такое фоновое влияние, выступавшее проводником советизации, наблюдалось в Белорусской, Украинской и других республиках Союза¹³. Иными словами, несмотря на то что советизация осуществлялась «сверху», в республиках имелись движения, приветствовавшие эти процессы.

Понимание наличия подобных движений даже привело к разработке концепции самосоветизации — альтернативе представлению о советизации как сугубо вертикальном процессе, не отражающем сложность взаимоотношений между центром и республиками (или странами). Она основана на утверждении, что отдельные институты модернизовавшихся территорий (по меньшей мере частично) принимали советские модели добровольно, без указаний и сопротивления, поскольку осознавали их значимость, целесообразность или необходимость. Данное понятие встречается у Н. Нэймарка, указывающего на наличие среди политических элит восточноевропейских стран сторонников Сталина и коммунизма, которые сами стремились привести свою страну к советской модели¹⁴.

Как явление советизация возникла вместе с провозглашением Советского Союза и распространялась на сознание и все сферы жизнедеятельности его граждан (советизация идеологии, идентичности, искусства, быта, управления, образования и т. д.). Как известно, в федеративных отношениях с Россией Украина пребывала с 1917 г., а Белоруссия — с 1920 г. (хотя отдельные территории обеих стран входили в состав Российской империи еще с XVIII в.). В 1922 г. Белоруссия и Украина были двумя из четырех республик, подписавших договор о создании СССР, и с этого времени советизация стала закономерной характеристикой их развития. К началу 1930-х годов была осуществлена перестройка основных социальных институтов в соответствии с идеологическими представлениями молодого государства; более того, за первые 20 лет советской власти в нем действительно изменилось массовое сознание, и граждане верили в новые социальные и политические ценности или относились к ним лояльно. Однако после освобождения УССР и БССР от фашистов вопрос советизации вновь актуализировался, что объяснялось прежде всего предвоенным и послевоенным переделом границ СССР и включением в состав двух союзных республик новых территорий (Западная Белоруссия, Западная Украина, Северная Буковина, Северная Бессарабия, Закарпатье), а значит, потребностью в интеграции данных регионов в советское культурное и правовое пространство и одновременно распространением среди их населения советского образа мыслей и поведения.

Неоднозначным при изучении советизации является вопрос ее продолжительности в республиках (странах). Так, группа британских и латвийских ученых, изучая советизацию в Прибалтике, представляла ее как процесс, растянувшийся с 1940 до 1985 г. Исследователи аргументировали такую длительность идеей резистентности обществ в трех прибалтийских республиках и, следовательно, внутренней потребностью политического режима СССР в постоянном поддержании политики советизации, «потому что она не работала, несмотря

на все усилия и длительные попытки»¹⁵. Признавая справедливость мнения об объективной потребности системы в перманентном поддержании государственной политики, обратим внимание на семантические различия понятий «советизация» (как установление советской власти и традиций) и «поддержание» советского порядка. Определенно, это разные процессы с различающимися задачами и внешними условиями, а потому нельзя считать попыткой советизировать страну весь период существования СССР. Исходя из того, насколько были подчинены советской власти УССР и БССР, насколько их население было охвачено советским образом жизни, даже в их западных регионах можно считать советизацию состоявшейся к середине 1950-х годов, что доказывает, в частности, пример организации общего образования. К этому времени его управление подчинялось партийно-государственным органам СССР, оно решало цели и задачи, поставленные центральной властью. Содержание образования, методы и формы урочной и внеклассной работы соответствовали имевшимся в других республиках; преподавали в школах учителя, получившие образование (либо партийную или политическую подготовку) в советских образовательных учреждениях, школьники были охвачены пионерским и комсомольским движением.

Роль образования в процессах советизации населения. Схема советизации во всех союзных республиках была примерно одинаковая: создание народных правительств, контроль над исполнительной и судебной властью, изменение законодательства, чистки и подбор надежных кадров, содействие увеличению миграции из России в республики, контроль за общественными организациями, распространение коммунистической идеологии через СМИ и культуру, ревизия образовательной системы. Образованию в этом ряду отводилась значимая стратегическая роль. Со времен Петра I в России были осознаны потенциальные возможности образования в выполнении государственного заказа на воспитание определенного типа гражданина. В XIX в. средством усовершенствования общества, целенаправленно применявшимся в строгом соответствии с политическими интересами государства, уже стало реформирование образования как «особый вид деятельности по усовершенствованию национальной системы образования, целенаправленно организуемый государственной властью на различных уровнях управления»¹⁶. Партийный аппарат Советской России быстро принял на вооружение этот механизм государственного управления, и в 1920–1930-х и 1945–1950-х годах реорганизация школьного образования была мощным средством советизации граждан, затрагивая цели, структуру, содержание образования, систему управления, дидактические основы, подготовку педагогических кадров и пр.

Можно выделить следующие средства советизации, использовавшиеся в школьном образовании в двух республиках: ревизия педагогических кадров после войны, русификация, идеологическое воспитание, обновление содержания образования, контроль политической лояльности педагогов и учащихся, реорганизация школ, политическое просвещение школьников, контроль за внеучебной деятельностью учащихся. Соответственно, субъектами советизации школьников выступали партийные органы, органы управления образованием, органы самоуправления, комсомольская и пионерская организации, а также педагоги.

В школах Белоруссии и Украины к 1941 г. уже продуктивно действовала система разнообразных форм и методов учебно-воспитательной работы, способствовавших формированию у учащихся советского мировоззрения и поведения. Она была распространена и на западные области обеих республик. Содержание и принципы образования полностью соответствовали данной задаче, а методы и формы отличались большим разнообразием: праздники, торжественные мероприятия, демонстрации, вахты памяти, политинформации, социалистические соревнования и др., — все это способствовало идеологизации, воспитанию гражданственности и патриотических настроений, политическому просвещению и воспитанию советского интернационализма, т. е. помогало воспитывать молодежь в соответствии с ценностями советского общества.

Рассмотрим специфику организации школы в восточных и западных областях, а также особенности реформирования школы на новых территориях в УССР и БССР в послевоенный период, соответствовавшие политике советизации народов СССР.

Развитие школы в Белорусской ССР в послевоенные годы. Белорусские партийно-государственные органы не имели самостоятельности в решении фундаментальных вопросов развития школы, поскольку она перестала быть белорусской и стала советской; еще одной причиной была вертикальная структура управления в СССР. Однако влияние этих органов в вопросах реализации реформ несомненно. «Заслугой партийных, советских органов, органов народного образования БССР являлось то, что они осуществляли общегосударственную школьную политику на деле, вносили в нее элементы местной жизни, добивались практических ее результатов»¹⁷, благодаря чему по основным показателям развития школы БССР многие годы числилась среди ведущих республик.

При всех традиционно указываемых недостатках советизации очевидно, что она действительно способствовала развитию образования и повышению уровня образованности населения республики, поскольку стали ключевыми принципами образования обязательность, всеобщность и бесплатность школьного образования. По этой причине сразу после освобождения территории Белоруссии от фашистов в республике возобновилась работа школ, партия оказывала административную поддержку (например, создание молодежных и родительских отрядов для ремонта школьных зданий, сбор у населения школьных принадлежностей и осуществление до начала учебного года вместе с органами народного образования точного учета детей школьного возраста)¹⁸. Количество средних школ за три послевоенных года выросло втрое. Одновременно увеличивалось число учащихся. В одной только Брестской области с 1944/1945 учебного года к 1947 г. оно стало больше почти на 20 тыс. чел.¹⁹ После того как XIX съезд Компартии Белоруссии принял решение о переходе с 1949/1950 учебного года к всеобщему семилетнему образованию, строительство новых школ усилилось.

Долгое время проблемой оставалась и нехватка учителей на селе, поскольку большая часть населения проживала именно в сельской местности. И первые послевоенные указы в области образования, и план развития СССР

на 1951–1956 гг. предполагали меры, направленные на ее решение (направление учителей из других районов страны, увеличение численности студентов педагогических институтов на 45 % и др.). В результате планомерной кадровой политики улучшался уровень подготовки педагогов. В 1944 г. высшее и незаконченное высшее образование имели менее 20 % учителей республики, в 1950 г. — около 30 %, спустя пять лет — уже почти половина педагогов²⁰.

Проявлением советизации в восточных областях БССР стали: усиление (а в западных — введение) политического, интернационального, идеологического и советского патриотического воспитания; расширение содержания образования в соответствии с учебными планами и программами СССР; постепенное устранение религиозного воспитания (борьба с религией в республиках протекала более аккуратно, чем в РСФСР, и в конце 1940-х годов были случаи, когда в школах Западной Белоруссии даже позволялось работать священникам). Переходу на советские образовательные стандарты способствовал декрет о частных школах, изданный в апреле 1945 г., согласно которому все школы становились государственными и подотчетными управлениям по делам образования.

Большую работу в БССР развернули пионерская и комсомольская организации, которым были поручены политическое просвещение, патриотическое, интернациональное и атеистическое воспитание детей. Школьников массово стали принимать в ряды пионерии. Нельзя сказать, что это явление было насильственным, однако оно определенно отличалось поспешностью. Массовости и скорости разрастания организации способствовали не только стоявшие перед ней задачи и имевшийся опыт развития пионерского движения в других республиках, но и то, что оно существовало в восточных областях Белоруссии с 1920-х годов, а в западных — официально с 1939 г. (например, уже в тот год в Белостокской, Вилейской и Пинской областях в него вошло более 30 тыс. школьников²¹), на подпольном положении пионерская организация действовала в Брестской области еще с середины 1920-х годов. Однако происходившее в Западной Белоруссии быстрое разрастание пионерской организации не означало массовой адаптации к ней детей. В первые годы встречались случаи их сопротивления и выхода из организации. Бывало, что они отказывались носить галстуки, маршировать или выполнять поручения, и особенно это касалось религиозных детей, что неудивительно, поскольку движение было призвано как раз показать альтернативу религиозной вере и сформировать у детей атеистические убеждения.

Атеистическое воспитание школьников в Западной Белоруссии также было проблематичным. Довольно высокий процент населения оставался традиционно религиозным, и это препятствовало идеологическому просвещению, составлявшему важное условие советизации всех территорий. Например, школьники из еврейских семей отказывались посещать школу в дни религиозных праздников и по субботам или выполнять какие-либо общественные поручения в эти дни; верующие христиане прятали под одеждой крестик и продолжали тайно молиться, а все меры «проработки» со стороны администрации или пионервожатых воспринимали как испытание веры. Способствовать фор-

мированию атеистического мировоззрения должны были политинформации и публичные лекции на эту тему, содержание образования, статьи в детской прессе, отмена уроков религии и молитв в школе.

В первые послевоенные годы в Западной Белоруссии советское правление встречало неприязнь со стороны националистически настроенных граждан и активное сопротивление вооруженных формирований. С одной стороны, это указывает, насколько актуальной и важной была советизация этих территорий, с другой — подчеркивает сложность этой задачи, в частности для школы. Многие родители не доверяли режиму, власти, школам, учителям, администрации, комсомольской организации, им не нравились учебники, новые уроки, упразднение религиозного воспитания и многое другое, но они были вынуждены отправлять детей на занятия. Поэтому в школах велась активная пропагандистская и просветительская работа не только среди учеников и учителей, но и среди родителей. Большая работа была возложена на партийные органы, молодежные движения и родительские комитеты (помимо организационных вопросов, касавшихся жизни класса, они занимались распространением основных идей советской педагогики среди родителей, извещали о постановлениях правительства, касавшихся школьного дела).

В зарубежной историографии при изучении сопротивления народов отдельных республик новым порядкам и участия НКВД в его подавлении отдельно указывается, что среди жертв были педагоги и школьники. Польские исследователи неоднократно приводили данные об арестах среди учителей Украины и Белоруссии и о массовых расстрелах населения, в том числе детей 10–15 лет, открыто выступавших против советского режима²². Тот факт, что дети и подростки противостояли советской власти, отдельные авторы интерпретируют как непримиримость и единение народов в борьбе за независимость²³. Однако часто такие дети приходили в сопротивление под давлением бандформирований, без идеологической мотивации или скрывались в лесах от закона; к тому же надо понимать, что возраст не являлся оправданием (для НКВД они были не школьниками, а бойцами вооруженных отрядов, угрозой безопасности). То же самое относится к арестам и расстрелам среди учителей: их репрессировали не как педагогов²⁴, а как лиц, сотрудничавших в годы войны с фашистами или состоявших в антисоветском сопротивлении.

Важным направлением образовательных реформ и приемом советизации населения в 1945–1950-х годах была его русификация, поскольку национальный язык в большей мере соотносился с национальной, а не с государственной самоидентификацией. Заметим, что русификация понималась как введение русского языка в общественную жизнь республик в качестве общегосударственного, но не означала вытеснения национальной культуры русской. Она выполняла важную интеграционную функцию, соответствуя идее дружбы братских народов СССР, единения республик и решая задачи их идеологического воспитания.

Анализ социокультурной ситуации в послевоенной БССР позволяет сделать вывод, что русификация образования здесь была закономерным следствием советизации и имела довольно естественный характер. Применяя

идею самосоветизации к сфере образования и культуры, можно заключить, что в республике существовали многочисленные группы, приветствовавшие активные процессы введения русского языка в белорусскую культуру (или не противившиеся им), что способствовало этим процессам и ускоряло их. Одной из групп были учителя. Из-за недоверия к местным кадрам, пережившим фашистскую оккупацию, в Белоруссию командировались учителя из России; не зная белорусского языка, они вели занятия на русском, в результате росло число русских школ. Одновременно после войны резко сократилось количество национальных школ (например, в Брестской области из 14 белорусскоязычных школ в 1945/1946 учебном году сохранилась лишь одна²⁵). Справедливости ради заметим, что языковую ситуацию в Белоруссии изменила не только политика партии, но и война. Эвакуация населения привела к тому, что на новых территориях люди общались в основном по-русски. Белорусские солдаты в рядах Советской армии находились в русскоязычной среде. После войны для восстановления народного хозяйства в БССР прибыло множество граждан других советских республик, и общались они также по-русски. Поэтому роль государственного языка естественным образом увеличивалась.

В целом созданная советской властью образовательная система подняла школу Белоруссии на более высокий уровень развития, о чем говорят прежде всего введение всеобщей основной школы, показатели роста числа школ, учеников, учителей, увеличение продолжительности образования, расширения его содержания и т. д. Русификация образования и общества была одновременно средством и результатом данной социальной политики.

Развитие школы в Украинской ССР в послевоенные годы. Уже в сентябре 1943 г. вышло правительственное постановление о возобновлении работы школ УССР на территориях, освобожденных от фашистов. Согласно архивным данным, в тот год было открыто более 12 тыс. школ, а в следующем году — в два раза больше²⁶. Властям приходилось принимать меры, чтобы дети могли их посещать, а школы могли работать. Как и другие регионы, восточная Украина столкнулась с послевоенной проблемой острого кадрового дефицита. В попытке ее преодоления власти открывали краткосрочные курсы подготовки учителей, налаживали систему заочного образования и (во многом из идеологических соображений) практиковали привлечение учителей из других регионов, прежде всего из России. В 1950-х годах учителей готовили в университетах, но в силу необязательности высшего образования даже в 1960/1961 учебном году среди учителей дневных школ его имели только 40 %²⁷.

Тяжелее обстояло дело с учительскими кадрами в западных областях УССР: в 1945 г. $\frac{2}{3}$ педагогов этой территории были признаны идеологически неблагонадежными, и неудивительно, что даже к 1947 г. местные учителя в школах составляли только 54 %²⁸. До 1951 г. республиканские власти откомандировали туда 35 тыс. учителей из восточных районов Украины. Однако наиболее остро проблема педагогических кадров стояла в Закарпатье, освобожденном советскими войсками в 1944 г. и в следующем году вошедшем в состав УССР. Еще в 1944 г. НКВД приступил там к чисткам среди населения, в результате которых пострадали в том числе учителя, раньше работавшие в венгерских и немецких

школах²⁹. Кроме того, местные педагоги были весьма религиозны и по-прежнему выполняли обряды в школе, что противоречило идеологическому воспитанию масс и формированию материалистического мировоззрения³⁰. Решить проблему помогли педагоги, массово приезжавшие из Восточной Украины и других республик. Среди современных украинских авторов принято критиковать кадровую политику того времени за отбор педагогов по критерию идеологической надежности, а не профессионализма, но нельзя не признать оправданность данных мер в условиях острого кадрового дефицита и потребности в денацификации населения.

Учителя, как и коммунисты, стали важной силой изменения сознания населения новых регионов. Они были призваны формировать у подрастающих поколений новое мировоззрение и вытеснять прежние ценностями советского общества, поскольку именно педагогическая профессия предполагает планомерное целенаправленное воздействие на сознание детей и юношества. Учитель выступает инструментом управления детской личностью в руках государства, а потому с первых лет контроля над Закарпатьем советские власти пытались расположить учителей посредством некоторых льгот и привилегий. Так, комитеты образования к ноябрю 1945 г. были обязаны обеспечить учителей жильем и дровами³¹, а в декабре 1945 г. для них установили новый размер оплаты труда, превысивший среднюю оплату в области, ввели повышенные нормы продовольственного пайка³².

Инструментом советизации в школе служили пионерская и комсомольская организации, широкая сеть ячеек которых создавалась в УССР. Уже в 1945 г. во всех западных областях Украины действовало более 5 тыс. первичных комсомольских организаций. В Закарпатье сразу со вступлением в состав СССР школьники также должны были охватываться пионерским движением. В одном только г. Севлюш созданная там пионерская организация в июле 1945 г. охватывала уже более 200 детей и сталкивалась с письменными просьбами о вступлении даже «неохваченных школой детей»³³.

Содержание образования в школах должно было охватывать урочную и внеурочную, учебную и воспитательную деятельность, поскольку каждая из них создавала дополнительные возможности воспитания человека социалистического общества. В семье ребенок мог слышать критику властей, но с каждым годом его все больше должны были окружать социалистические взгляды на права и свободы человека, на труд, имущество, религию, взаимоотношения народов и т. д., которые отражались на всех сферах жизнедеятельности человека. Уходя на уроки в школу, а затем погружаясь во внеурочную активность, дети и подростки глубже впитывали идеологическую атмосферу, что и соответствовало задачам советизации школы. Формированию советского мировоззрения должны были способствовать изменения в содержании образования. Программы пересматривались с точки зрения соответствия союзным, учебники заменялись новыми, призванными не только расширить научные знания учащихся в разных сферах, но и прививать детям идеи социализма. В 1945/1946 учебном году школы Закарпатской области тоже стали работать по

учебному плану УССР, включавшему русский, украинский языки и литературу, историю СССР, Конституцию СССР и начальную военную подготовку.

Введение русского языка в образовательных учреждениях способствовало не только интеграции УССР в Советский Союз, но и расширению внутренних границ между всеми республиками. Так, знание национального языка перестало быть обязательным требованием при поступлении в местные вузы в 1954 г., и это открыло к ним доступ для молодежи со всего Союза: уже в следующем году в медицинские и фармацевтические высшие учреждения Украины было принято 29,2% украинцев, 26,8% выходцев из РСФСР и 44% абитуриентов из других республик³⁴. Однако проблема русификации в УССР воспринималась более остро, чем в Белоруссии, особенно в Западных районах, хотя в послевоенный период политика союзных властей в школе не противоречила сохранению национальной культуры. Например, в Львовской области даже в 1960 г. более 95% школ были национальными³⁵. Все это подтверждает тезис об интегрирующей роли русского языка в процессах советизации, в том числе в образовании: русский язык вводился в школах как государственный, но его введение не устранило украинское культурное наследие в содержании образования.

В дальнейшем количество русскоязычных школ увеличивалось. С 1965 по 1971 г. их число выросло с 4192 до 4703, а число украинских школ сократилась почти на две тысячи³⁶. Украинские авторы дружно представляют русификацию как языковую, образовательную и социальную дискриминацию населения УССР, употребляя при описании событий слова типа «навязывание», «насаждение», «вытеснение», «принуждение», однако нельзя не признать, что, как и в Белоруссии, послевоенная русификация шла не только сверху, но и снизу. Русский язык объективно набирал популярность, распространяясь не только директивами правительства и увеличением доли образовательных учреждений с русскоязычным преподаванием, но и миграционными процессами, расширением массовой культуры, государственным статусом языка.

Выводы. Советизация была закономерным явлением для Советского государства, нуждавшегося в распространении создававшихся и возникавших культурных практик среди всех групп населения. Наиболее восприимчивая и перспективная группа — дети, а потому большая ответственность по формированию у подрастающих поколений советского мировоззрения и поведения была возложена на образовательную систему. Несмотря на отдельные недостатки, в которых традиционно упрекают советское народное образование, этой системе действительно в сжатые сроки удалось воплотить в жизнь идеи всеобщего и доступного образования, ликвидировать неграмотность, создать широкую сеть учреждений и организовать подготовку советских учителей, что во многом решало задачи повсеместной адаптации населения к новой, советской культуре. К началу 1940-х годов такая культура, советский образ жизни получили всеобщее распространение как в РСФСР, так и в союзных республиках. После войны политика воспитания благонадежности и изменение границ государства актуализировали процессы советизации в республиках. Она осуществлялась прежде всего посредством особой кадровой политики, введения русского языка как государственного в образовательный процесс,

через политико-идеологическое воспитание, обновление содержания общего образования, контроль за педагогами и учащимися, охват школьников всевозможными детско-юношескими молодежными движениями.

Среди главных особенностей социокультурной ситуации, затруднявших советизацию школы в Западной Украине и Западной Белоруссии, следует выделить следующие условия: этническое разнообразие населения, дефицит педагогических кадров, нехватку средств обучения, активное противодействие со стороны националистов. Частью населения советский строй был принят враждебно в силу таких традиционных особенностей культуры этих территорий, как католическое вероисповедание, сильные националистические настроения населения, крепкие исторические связи с западными странами (Польшей, Чехословакией и Румынией). Из-за ситуации в западных областях, вошедших в СССР в 1939 г., можно считать, что Украина и Белоруссия не были полностью интегрированы в советскую государственную систему до послевоенного периода. Тем не менее в начале 1950-х годов введение советской власти, образа жизни и традиций было осуществлено на всей территории обеих республик. Некоторые западные исследователи также разделяют это мнение и тот факт, что «из всех советских республик они в результате были интегрированы наиболее успешно»³⁷. Образовательная система, прежде всего школа, служила проводником новых идей, норм ценностей и порядков, т. е. транслировала советскую культуру для подрастающих поколений, которым предстояло развивать социалистическое государство в будущем.

¹ См., напр.: *Глонти Т.* Национальный вопрос и финансы Грузии: к пятилетию советизации Грузии. Тифлис, 1926; 25-летие Бакинской организации: 4-я годовщина советизации Азербайджана. М., 1924.

² The Merriam-Webster Dictionary. Springfield, 2016. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sovietize> (дата обращения: 20.02.2020).

³ *Birgerson S. M.* After the Breakup of a Multi-ethnic Empire: Russia, Successor States, and Eurasian Security. Westport, 2002. P. 97.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. С. 327.

⁵ *Kareda E.* Technique of Economic Sovietisation: A Baltic Experience. London, 1947.

⁶ См., напр.: *Kosok P.* Revolution and Sovietization in the North Caucasus // *Caucasian Review*. 1955. No. 1. P. 47–54.

⁷ *The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956.* Tartu, 2003.

⁸ *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum Die Sowjetisierung des estnischen Dorfes 1944–1953. Köln, 2007.

⁹ *Marples D. R.* Stalinism in Ukraine in the 1940s. New York, 1992.

¹⁰ *Lane T., Pabriks A., Purs A., Smith D. J.* The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania. London, 2013. P. 69.

¹¹ *Худолей К. К.* Советизация балтийских государств летом 1940 года и ее последствия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Международные отношения*. 2013. № 1. С. 94–110.

¹² Там же. С. 98.

¹³ См. об этом: *Бабий Б. М.* Установление советской власти в Западной Украине в 1939 году и воссоединение ее с Украинской ССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1950; *Данияров С. С.* 20 лет со дня образования Киргизской ССР. Фрунзе, 1946; *Мустафина Ф. Х.*

Развитие всеобщего среднего образования в Башкирской АССР (1917–1978 гг.). Уфа, 1979; *Эльчибежан А. М.* Установление советской власти в Армении. Ереван, 1954; и др.

¹⁴ *Naimark N. M.* The Sovietization of Eastern Europe, 1944–1953 // *The Cambridge History of the Cold War*. Cambridge, 2010. P. 175–197.

¹⁵ *Lane T. et al.* The Baltic... P. 68.

¹⁶ *Данилова Л. Н.* Лингвофилософский анализ понятия реформирования в образовании // *Ярославский педагогический вестник*. 2012. № 4. С. С. 22.

¹⁷ *Ганущенко Н. Н.* Совершенствование системы общеобразовательной школы БССР (1976–1990 г.) // *Актуальные проблемы истории Беларуси: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*. Гродна, 2003. С. 12.

¹⁸ См. об этом: *Галімава Н. П.* Аднаўленне і развіцце школьнай адукацыі на Берасцейшчыне ў першыя пасляваенныя гады // *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*. Гродна, 2003. С. 89–93.

¹⁹ Там же. С. 91.

²⁰ *Парашкоў С. А.* Гісторыя культуры Беларусі. Минск, 2004. С. 306.

²¹ *Трофимчик А.* Политика по реорганизации школы и антисоветские настроения в ней на территории, присоединенной в 1939–1941 гг. к БССР // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2007. № 27. С. 99.

²² См., напр.: *Filipowicz M., Sawicka E.* Zbrodnie sowieckie na obroncach Grodna 1939 r. // *Biuletyn Historii Pogranicza*. 2005. No. 6. С. 11–16.

²³ См., напр.: *Batura W., Makowski A., Szlaszyński J.* Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. Suwałki, 1997; Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.). Гродно, 2004. С. 90–183.

²⁴ На это указывают упомянутые выше авторы: *Filipowicz M., Sawicka E.* Zbrodnie sowieckie na obroncach Grodna 1939 r.; *Batura W., Makowski A., Szlaszyński J.* Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku; и др.

²⁵ *Галімава Н. П.* Аднаўленне і развіцце школьнай адукацыі... С. 93.

²⁶ *Левківський М. В.* Історія педагогіки. Київ, 2003. С. 287.

²⁷ Там же. С. 288.

²⁸ *Amar T. C.* George O. Liber. Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954 // *The American Historical Review*. 2017. No. 122(4). P. 1342–1343.

²⁹ См. об этом: *Довганич О., Корсун О.* Про педагогічні репресії в Закарпатті в кінці 1944 р. — 1945 р. // *Новини Закарпаття*. 12.11.1989.

³⁰ Информации, справки, докладные записки и отчеты отдела о ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения, о работе школ рабочей молодежи и др. (19.02.1946–18.05.1947) // *Державний архів Запорізької області (далее — ДАЗО)*. Ф. П-1: Закарпатський обком Компартії України. Оп. 1. Спр. 142.

³¹ Там же.

³² Постанови НРЗУ про покращення матеріальних умов вчителів верховинських районів та сіл, віддалених від комунікаційних центрів Закарпатської України (01.10.1945–24.12.1945) // *ДАЗО*. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 621.

³³ У пионерів Севлющина // *Молодь Закарпаття*. 08.07.1945.

³⁴ *Тевікова О.* Русифікаторська політика радянської влади в галузі освіти в роки тимчасової лібералізації тоталітарної системи // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії*. Рівне, 2008. С. 86.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ *Історія української культури: навчально-методичний посібник з дисципліни / укл. І. М. Петренко, В. В. Сарапин*. Полтава, 2012. С. 395.

³⁷ *Birgerson S. M.* After the Breakup... P. 108.

Статья поступила в редакцию 9 октября 2017 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Данилова Л. Н. Послевоенная советизация Белоруссии и Украины на примере школьного образования // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 1. С. 203–216.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.113>
УДК 37(091); 94(47)

Аннотация: В послевоенные годы Советское государство нуждалось в усвоении и принятии обществом формировавшейся культуры, объективным следствием чего стало возникновение в Белорусской и Украинской республиках явления советизации населения. Под советизацией в статье понимается адаптация культурных практик и процессов в обществе к культуре Советского государства. В образовательной политике действенным средством советизации были реформы. В первые послевоенные годы школьные реформы в Белоруссии и на Украине осуществлялись по той же схеме, что и в РСФСР, а специфику составляли меры русификации. Данный процесс рассматривается в статье как важнейший элемент советизации общества в двух республиках после окончания войны, выделяется интегративная функция советизации. Автор полагает, что советизация в обществах союзных республик началась со времени их вхождения в СССР, и к 1941 г. население Белоруссии и Украины по большей части разделяло новые политические и социальные ценности, однако процесс не был завершен. После войны советизация продолжалась в новых социально-политических условиях и была объективно необходимой для создания единого союзного государственного и культурного пространства. Крайне важную роль в осуществлении политики советизации играли образовательные реформы. В сложные послевоенные годы в республиках СССР школьные реформы фокусировались не только на восстановлении образовательного процесса и инфраструктуры, но и на формировании советского мышления и поведения, воспитании внутригосударственного интернационализма и уважения к русскому и советскому как синонимичным категориям общественно-политической жизни в СССР. Образовательная система служила проводником новых идей, норм ценностей и порядков, т. е. транслировала советскую культуру для подрастающих поколений, которым предстояло развивать социалистическое государство в будущем.

Ключевые слова: советизация, русификация, советская школа, реформы, история белорусской школы, история украинской школы, послевоенные образовательные реформы.

Сведения об авторе: Данилова Л. Н. — д-р пед. наук, доц., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия); yar-da.l@mail.ru

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Россия, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

FOR CITATION

Danilova L. N. 'Postwar Sovietization of Belarus and Ukraine (on the Example of School Education)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 203–216.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.113>

Abstract: The Soviet state needed society to assimilate and accept the emerging culture, and an objective consequence of this in the republics was Sovietization. Sovietization is adaptation of cultural practices and processes in society in accordance with culture of the Soviet state. Its effective means in educational policy were reforms. In the first post-war years, educational reforms in Belarus and Ukraine were carried out, just as in the RSFSR, and the main specifics consisted of Russification. That process was the most important element of Sovietization in the republics' societies after the war, especially its integrative function. Sovietization in the various societies of the union republics had begun since their entry into the USSR, and by 1941 the population of Belarus and Ukraine in general shared new political and social values — although the policy of Sovietization was not completed. After the war it was continued because of modern socio-political conditions and was objectively necessary for creating a single union state and cultural space. At the same time, educational reforms played an important role in the implementation of Sovietization policies. In the difficult post-war years in the Soviet republics, school reforms were

focused not only on rebuilding the educational process and infrastructure, but also on forming Soviet thinking and behavior, training domestic internationalism, and respecting everything Russian and Soviet as synonymous categories of social and political life in the USSR.

Keywords: sovietization, russification, Soviet school, reforms, history of Belarusian school, history of Ukrainian school, post-war educational reforms.

Author: *Daniilova L. N.* — Dr. Sci. in Pedagogy, Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia); yar-da.l@mail.ru

Yaroslavl State Pedagogical University, 108, Respublikanskaya ul., Yaroslavl, 150000, Russia

References:

- Amar T. C. 'George O. Liber. Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954', *The American Historical Review*, no. 122(4), 2017. DOI: 10.1093/ahr/122.4.1342.
- Babiy B. M. *The establishment of Soviet power in Western Ukraine in 1939 and its reunification with the Ukrainian SSR* [Candidate of Law Dissertation] (Kiev, 1950). (In Russian)
- Batura W., Makowski A., Szlaszyński J. *Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku* (Suwałki, 1997).
- Birgerson S. M. *After the Breakup of a Multi-ethnic Empire: Russia, Successor States, and Eurasian Security* (Westport, 2002).
- Daniilova L. N. 'Linguo-philosophical analysis of the concept of educational reforms', *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 4, 2012. (In Russian)
- Feest D. *Zwangskollektivierung im Baltikum: Die Sowjetisierung des estnischen Dorfes 1944–1953* (Köln, 2007).
- Filipowicz M., Sawicka E. 'Zbrodnie sowieckie na obroncach Grodna 1939 r.', *Biuletyn Historii Pogranicza*, no. 6, 2005.
- Galimava N. P. 'Restoration and development of school education in the Brest region in the early postwar years', *Aktual'nyia problemy gistorii Belarusi: stan, zdabytki i supiarehchnasti, perspektyvy razvitsia* (Grodno, 2003). (In Belarussian)
- Ganushchenko N. N. 'Improving the system of secondary school of the BSSR (1976–1990)', *Aktual'nyia problemy gistorii Belarusi: stan, zdabytki i supiarehchnasti, perspektyvy razvitsia* (Grodno, 2003). (In Russian)
- History of Ukrainian culture: educational and methodological guide to the discipline*, eds I. M. Petrenko, V. V. Sarapyn (Poltava, 2012). (In Ukrainian)
- Khudoley K. K. 'Sovietization of the Baltic states in the summer of 1940 and its consequences', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 1, 2013. (In Russian)
- Kareda E. *Technique of Economic Sovietisation: A Baltic Experience* (London, 1947).
- Lane T., Pabriks A., Purs A., Smith D. J. *The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania* (London, 2013).
- Levkivskiy M. V. *History of pedagogy* (Kiev, 2003). (In Ukrainian)
- Marples D. R. *Stalinism in Ukraine in the 1940s* (New York, 1992).
- Naimark N. M. 'The Sovietization of Eastern Europe, 1944–1953', *The Cambridge History of the Cold War* (Cambridge, 2010).
- Parashkow S. A. *History of Belorussian culture* (Minsk, 2004). (In Belarussian)
- Polish underground in the Western regions of Belarus (1939–1954)* (Grodno, 2004). (In Russian)
- The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956* (Tartu, 2003).
- Tevikova O. 'Russification policy of the Soviet government in the field of education during the years of temporary liberalization of the totalitarian system', *Aktualni problemi vitchiznianoï ta vsesvitnoï istorii* (Rivne, 2008). (In Ukrainian)
- Trofimchik A. 'The policy of reorganizing school and anti-Soviet moods in it on the territory annexed in 1939–1941 to the BSSR', *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*, no. 27, 2007. (In Russian)

Received: October 9, 2017

Accepted: November 14, 2019